

Полк еще заправлялся и переснаряжался, когда вернулись пятеро «утят», посланных собрать «трофеи» к месту боя. Из трофеев больше всего Петра интересовали списки частот, сами приемопередающие станции, планшеты и карты. Остальное его мало занимало. Звено управления грешило тем, что обменивало на что-нибудь более ценное, например, спиртное, имущество бывших асов, их оружие и кресты. Ребята повадились крепить их на борта своих ЛаГГов. На этот раз «утята» просто ломились от трофеев. На Ленфронте пространства было немного, все больше неудобства, даже У-2 не посадить, или приходилось добывать все это из вторых рук, так как пехота успевала первой. Петру сначала подарили французский коньяк, который его совершенно не интересовал, а потом передали все планшеты. Едва глянув на них, он забросил все это в машину и выехал в соседний Обнинск. Один планшет передал Соколовскому, второй Корнееву, а затем постучался в кабинет начальника особого отдела.

— Разрешите войти, товарищ комиссар?

— А, крестничек. Если благодарить, то не трать ни мое, ни свое время. Не до сантиментов.

— Нет, товарищ комиссар, это попутно, главное — вот, — он протянул планшет.

— Где взял?

— Посылал за подтверждениями «утят» из звена управления. Это карты шести ведущих «девяток» немцев из StG3. Их маршрут и задание. Мы считали, что они идут на Бабынино и Калугу, а они шли на Малоярославец и Обнинск. С конкретным заданием. Не знаю, как у соседей, а здешние места они прекрасно знают.

— Начштаба в курсе?

— Передал такую же и полковнику Корневу. Я их попросил пока радиостанции не трогать. Немцам важно сейчас сорвать управление фронтами. Они повторят попытку. А мы — готовы, товарищ комиссар. Разрешите идти.

— Да-да. Не зря я перерыв объявил и дело закрыл. Такое «спасибо» принимается, капитан.

К сожалению, немцам повезло, генерал Жуков отменил распоряжение Соколовского, штабы обоих фронтов переехали во Власиху, Одинцовского района, а полк был послан в район города Белый, одновременно на разведку и на штурмовку. Перед самым возвращением дали команду следовать к железнодорожной станции Ожигово. Все недоумевали, почему нас выгнали с такого удобного аэродрома. Кстати, там была и приличная горка для РЛС. Но в армии рассуждать позволено немногим. По-прежнему в основном летаем на штурмовку, прикрывая действия «группы генерала Болдина» в составе двух стрелковых дивизий и четырех танковых бригад. До места их наступления было

214 километров. Полк был вынужден разделить-ся на две ударные группы, иначе не успевали. Удобнее было бы действовать из Ржева, но нас никто туда не переводил. На этом направлении действовало три немецких танковых дивизии: 1-я, 7-я и 6-я. Максимальную опасность представляла именно 1-я дивизия, потому что она не попала под удар «группы» и сама нанесла удар с правого фланга контратакующих войск, взяв 3 октября город Белый, и двинулась лесными дорогами окружать войска Болдина и перерезать ему поставки топлива. Полк поймал дивизию на марше и выполнил за два дня 21 БШУ, запечатав наглухо дорогу у села Владимирское. «Возили» по восемь РОФС-132 и по две «сотки». На новых, сразу после приемки с завода, машинах — по две 250-килограммовки. Затем Болдин подтянул туда 10-й гвардейский минометный полк и накрыл скопление немцев на дороге «Катюшами». Увы, в составе бригад было 150 танков, из них 9 — Т-34, 13 — КВ-1 и КВ-2, остальное — БТ-7 и Т-26. Окружить мы их не дали, но пробить поток немецких танков двух дивизий группа Болдина не смогла. 32-я армия Резервного фронта, стоявшая на рубежах от Мосолова до Дорогобуша в составе второго эшелона, состояла из дивизий народного ополчения Москвы. Командовал ею генерал-майор Вишневский. Фронт армии был растянут на 60 километров. По 12 километров на дивизию. Рубежом была река Днепр. Только это еще не тот Днепр, через который не каждая птица перелетит. Это — верховья великой реки, изобилующее

бродами. Задержка у Холм-Жирковского была неприятна Готу, но не смертельна, тем более что 40-й танковый корпус после взятия Юхнова повернул на северо-запад и подошел к Вязьме, за два дня преодолев 75 километров по тылам наших армий. И никто Гёпнера не побеспокоил, прошел, как на параде. Ввязываться в бои с 33-й и 43-й армиями он не стал.

Двумя днями ранее 4-я танковая бригада под Орлом, действуя под прикрытием авиации генерала Кравченко и из засад, смогла нанести значительный урон танковой группе Гудериана и заставила его маневрировать силами и средствами. В результате Брянскому фронту удалось вывести свои армии из образовавшихся мешков.

Из-за «центрального подчинения» каждый вечер приходилось ездить в штаб фронта со сводками и заявками на снабжение. Пользоваться самолетом командование запрещало, чтобы не вскрывать новое расположение штаба фронта. За эти несколько дней полк потерял 12 самолетов, четыре летчика пропали без вести. Их сбили над Владимирским. Пока никаких вестей о них нет. Шесть машин ремонтируются. Две пришлось сжечь на вынужденных посадках, летчиков сумели вывезти на У-2. Больше полутора часов Петр добирался до Власихи. И не поспать, постоянные проверки документов. Въезд-выезд в каждом населенном пункте контролируется. Корнеева и начштаба на месте не было, приказали их дожидаться. Как назло, попался на глаза Жукову, который вошел в комнату оперативно-го отдела с двумя командирами-танкистами.

— Ага, а вот он, лично, обеспечит вас связью и поддержкой. Начштаба нет? Плохо. К столу, товарищи. Бригадам выдвинуться на рубеж Колесники–Мальцево. Там действуют стрелковый и артиллерийский полки 126-й стрелковой дивизии. Задача бригад: уничтожить разрозненные силы противника, действующие восточнее-северо-восточнее Вязьмы. В дальнейшем идти на соединение с 16-й и 19-й армиями группы генерала Лукина. 13-му ОРАП — прикрыть действия бригад в этом направлении. Обеспечить их разведданными и связью с частями группы Лукина.

— Тащ генерал, разрешите аэродром сменить. У меня «Наяда» ничего дальше пятидесяти километров не видит. Местность низменная. Приличная высотка 221,8 есть в районе станции Кубинка. Рядом — хорошая площадка.

— Что ты ко мне пристаешь со своими просьбами? Тебе задачу поставили?

— Я ж не в тыл прошусь.

— Где это?

— Вот.

— А ты?

— Здесь.

— И что тебе дадут эти двадцать километров?

— Место под локатор.

— Если до утра не перебазируешься, то запрещаю.

— У меня все готово, нет только приказа.

— Ладно, будет тебе приказ. Все, товарищи. Приступайте к выполнению задачи.

Все откозыряли и, кавалеристы хреновы, собрались усесться в машины и рвануть выполнять распоряжение.

— Одну минуту, товарищи полковники.

— В чем дело?

— Вы так и собираетесь уехать? Вы обстановку знаете? Там, куда вас послали, никаких штабов нет. Это — практически десант, танковый. Так что: все свое возу с собой. Предлагаю вернуться и подать заявки на топливо, боеприпасы и продовольствие, а то через сутки встанете и будете жечь машины.

— Но там же дивизия...

— Дивизия там действительно была, вчера. Есть ли она сейчас — этого никто не знает. Так что ждем Соколовского, а я сейчас своих наводчиков в Можайск отправлю. Вы в Можайске выгружаетесь? И включены в состав 16-й армии? Вот карта на пятое и на вчера. 16-я армия под Ярцево. Так что дождаться Соколовского рекомендую. Кстати, вон он приехал. Тащ генерал!

— А, Петр, вовремя, тут задание для тебя есть.

— Так меня озадачили.

— Кто?

— Комфронта.

— Где он?

— В оперативном, вместе с Рокоссовским, командующим шестнадцатой.

— Да, не вовремя ты подъехал... — сменил мнение начштаба.

— Как приказывали, строго по часам.

— Да носом должен чувствовать, когда в курилку уйти требуется.

— Не срослось, полковник Львов задержал с заявками.

— Да, ладно, чё уж там. Вязьма?

— Так точно! Мне семерых летчиков-ночников требуется подкинуть, тащ генерал. Четверо сбиты, где находятся — непонятно. Двоих на «утят», ранения, одного снимать требуется с вылетов.

— Что так?

— Выспаться ему надо и оклематься. Двести сорок пробоин привез, и ни в одном глазу. Нервяк пошел. Пусть отдохнет, нервы у всех не железные. Машины получаем, а летчиков — нет.

— Хорошо, постараюсь дать людей. С тебя — облет и фотографирование района фронта. Как хочешь, так и крутись.

— Есть. Тут, Василий Данилович, объяснить командирам требуется, что такое Вязьма и с чем ее закусывать придется.

— Пройдемте к секретчикам, товарищи командиры, там переговорить сможем. То, что называется: все не так просто, как хотелось бы. Есть нюансы.

Соколовский подробно рассказал и показал на карте то, что ему известно о противнике, указал места складов боепитания. Выделил два батальона пехоты в качестве прикрытия. Передал в 126-ю приказ пробиваться к Минскому шоссе, соединиться с танкистами и держать связь с 13-м ГвОРАП.

— Петр, какими средствами можешь усилить группу?

— Две радиостанции РСБ-А, два взвода охраны с тяжелыми пулеметами, они, правда, авиационные, но стреляют, станки им приспособили. Шесть командных радиостанций непосредственного наведения. Две автомашины с зарядниками для аккумуляторов, топливом, боеприпасами и продовольствием. К сожалению, больше ничего нет. Да, радиостанции — немецкие, но переделанные под наши частоты. Нужна серьезная бумага, тащ генерал, иначе радистов могут расстрелять.

— Зайдете к Лаврентию Фомичу с этой запиской, получите у него. — Он черкнул несколько строк на листочке. Затем дал возможность Петру позвонить в полк. Пожал всем руки и вышел.

Полковник Калихович и подполковник Дружинин вышли на крыльцо, закурили, а потом Калихович спросил Петра:

— А самолеты-то у тебя есть, капитан? И что означает ГвОРАП?

— Пока есть, вот еще что, как только развернетесь на месте, подберите площадки для связных самолетов. Их у меня шесть, как раз на каждый ваш батальон. И не забывайте моих наводчиков, вся связь пусть идет через них. У вас самих связи практически нет. До штаба фронта будет 130 километров и более.

— Ты про самолеты не сказал.

— Шестьдесят машин наберу.

— Во врет, столько мы только на парадах видели. От Белоруссии пятимся, а воздухе одни немцы, — сказал Дружинин.

— Не заводись, Афанасий. А что форма такая странная?

— Гвардейский отдельный полк ВМФ.

— А-а-а, посыте на грудь и качните лампочку, без моря жить не могу. Ладно, капитан, не обижайся. Поехали.

Все испытывали огромное недоверие к авиации. Во-первых, толку от нее на поле боя не видели, во-вторых, более чем странное ее использование в сухопутных войсках не прибавляло уверенности наземникам в своем прикрытии. Прилетят, пожужжат без толку, а при появлении немцев их уже нет.

РЛС и БАО сворачивались. Часть людей уже выехали на новое место дислокации. Первый вылет будем производить отсюда, из Ожигово. РЛС уже две, поэтому будем подбирать второй другое место позже. Передав в ГШФ сведения и о смене места, Петр пристроился поспать прямо в штабе. Это стало уже привычкой, может быть вредной. До утра было почти пять часов сна.

Бригады выдвигались двумя колоннами: одна следовала старо-минской дорогой, вторая шла по новому шоссе. К утру 6 октября они сосредоточились на рубежах деревень Кузнечики—Зубково, в 15 километрах от Гжатска. Сначала Петр озаботился разведкой, ибо Соколовский этого требовал, да и обстановка тоже. В первую очередь интересовал правый фланг. Разведку провели одновременно со штурмовкой колонн 6-й танковой дивизии немцев. За ночь они

сильно продвинулись вперед, что было необычно. Немцы ночью обычно не передвигаются. Она практически не попала под удары «группы Болдина», действовала в центре танкового клина, имея справа и слева сильных соседей: 1-ю и 7-ю танковые дивизии. Еще вечером она была в районе села Верховье-Малышкино на берегах Вопи. Утром Петр их обнаружил в районе Днепра. Нанесли удар по мосту у Казанирова, но справа — брод, и вряд ли он минирован. Не захватив Каниютино, «группа Болдина» отошла в Вадинские и Калыгинские леса. Увлечься штурмовкой не стали, прошли к мостам через Вопь. Это сейчас важнее. Их там шесть. Вчера их бомбили, но уже восстановлены, куча зениток, море автомобилей и солдат. Там же провели и первый за день воздушный бой с четверкой Ме-109ф, не совсем стандартно окрашенных. У них не было зеленого камуфляжа, серый с темными пятнами, полностью окрашены в желтый цвет капот и рули направления. На капоте — черный туз пик в белом ромбе. Два из них сильно поднимали даже на прямом полете, видимо двигатели уже дышали на ладан. Насколько я припоминаю, 53-ю эскадру должны были отправить во Францию, так как на начало октября она потеряла 70 процентов первоначальной техники. Из 170 машин безвозвратные потери составили: 55 самолетов уничтожено, 41 тяжело повреждены, 23 повреждены в меньшей степени. Ввязываться в бой они не пожелали, висели в стороне на большой высоте, ждали, что кого-нибудь из наших подобьют их зенитчики. Спускаться

с высоты начали только тогда, когда за несколькими машинами появились дымные хвосты. А «дымы» были искусственного происхождения: летчики при горизонтальном полете затяжеляли винты и переводили настройку всасывающего коллектора в положение «один». Получалась очень богатая смесь, и знатный таковой дымище из коллекторов. На этом их и купили. Уйти наверх, после срыва атаки, «мессера» не смогли. Им в хвосты вцепились ребята из второй эскадрильи и приземлили их. Как долго будут доводить нагнетатель — это «загадка номер один». Всем хороша машина, кроме высотности. Задыхается на высоте свыше 7,5 километра. И место есть для нагнетателя, только его сразу надо делать свободным, а его приводным городят. Одно хорошо: немцев мы научили нас бояться.

Начальник разведотдела фронта уже сидел в штабе полка, когда приземлились вторая и четвертая эскадрильи. Обещание начштабу мы выполняли, привезли снимки справа от Вязьмы. Установили связь со 126-й дивизией. Полковник Бедин передал, что никакого приказа ночью от командования не получал, хотя разговор был при мне. Его полки находятся севернее, ведут бои в районе Починка-Глушково, отбивая атаки немцев на Ржев с юга. У Глушково немцы ужу на левом, восточном, берегу Днепра. Немцам от Казаринова до Вязьмы остается пройти 55 километров. А 18-я и 19-я бригады бункеруются после марша в 77 километрах от нее, практически без поддержки пехотой. Корнеев тут же